

Константин Седых

ОТЧИЙ КРАЙ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 28

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

Седых К.

С 28 Отчий край : роман / Константин Седых. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 640 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31580-8

«Отчий край» — роман Константина Седых, автора знаменитой «Даурии». Книга посвящена событиям последних лет Гражданской войны в Забайкалье: изгнанию интервентов, воссоединению Дальневосточной республики с Россией, возвращению партизан к мирной жизни. Морозная зима по-прежнему сменяется цветущей весной и знойным летом, затем наступает холодная осень, но с каждым годом становится все очевиднее, что старый, привычный мир безвозвратно исчез — в огне сражений рождается новый. В «Отчем крае» читатель снова встречается с семьей казаков Улыбиных. В этой книге в центре внимания писателя оказывается судьба не старшего брата, Романа, а младшего — Ганьки: поступившего в партизанский отряд подростка, которого, «словно сорванный с дерева лист, закружило и понесло в потоке непонятной грозной жизни».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-31580-8

© К. Ф. Седых (наследник), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Молодость, молодость!..

Я не знаю человека, который думал бы о тебе без волнения и благодарности, без улыбки на самых суровых устах. Всем нам светило твое незакатное солнце, гремели весенние громы, бил в лицо неумный ветер, шумели деревья и кланялись травы в степи. Все твои краски и звуки, мечты и дерзання, радости и печали храним мы в памяти, как драгоценный дар. И чем ярче было твое неповторимое цветенье, тем полней и значительней вся последующая жизнь человека на этой чудесной земле...

Нелегкая молодость выпала на долю казацкого сына Ганьки Улыбина. Простодушным, не знающим жизни подростком проводила его в партизаны убитая горем мать. Солнечным майским утром под раскаты артиллерийской пальбы умчался он на коне из ограды родного дома. В покинутый красными поселок ворвались белые казаки атамана Семенова. Они сожгли улыбинскую усадьбу со всеми постройками, закололи волов и корову, застрелили на пожарище пса Лазутку.

Словно сорванный с дерева лист, закружило и понесло Ганьку в потоке непонятной грозной жизни.

Прикрываясь заслонами от наступавшего по пятам врага, партизаны вырвались из окружения и стремительно уходили вниз по Аргуни. Командовал ими отсидевший восемь лет на царской каторге Ганькин дядя Василий Андреевич Улыбин, про которого люди говорили, что он «большевик до мозга костей».

Горели подожженные снарядами леса на сопках, клубился, сливаясь вдаль с облаками, белый дым. Бурой пылью застлало избитый ухабистый тракт. По нему на рысях проходили тысячи всадников, катились со стуком и дребезгом вереницы обозов. В набитых сеном и соломой телегах проклинали все на свете истерзанные невыносимой тряской раненые. Прикрывающие обоз бойцы угрозами и руганью заставляли мобилизованных возниц немилосердно нахлестывать лошадей. Нужно было спешить и спешить, чтобы оторваться от белых, чьи пушки властно напоминали о себе то звонким разрывом шрапнели, то тяжким ударом гранаты вблизи от дороги, где нежно зеленели на пашнях всходы пшеницы, пахуче и радостно распускаясь черемуха.

Ослепительно синело высокое небо, сияло над Забайкальем вечно веселое солнце. Ганька ехал в самой середине растянутого на версты, грохочущего и орущего в сотни глоток обоза. Был он в синей сатиновой рубашке, подпоясанный патронташем, в стоптанных ичигах из кожи-сыромяти и в старой казачьей фуражке с желтым околышем. За плечами у него висела охотничья фляга. Своей молодостью и растерянн-озабоченным видом подросток привлекал к себе внимание многих. В попутных станицах и селах, глядя на него, всхлипывали и сокрушались от недобрых предчувствий партизанские жены и матери. Только у ребятишек вызывало его появление жгучую зависть.

Все время дорога шла по берегу Аргуни. Целый день Ганька видел справа от себя заросшие лесом сопки Маньчжурии, слева — голые, сплошь распаханые под пашни сопки Забайкалья. Постепенно сопки становились все круче и выше, все ближе подступали к взбаламученной сильной низовкой реке. Сверкали снежно-белые гребни волн, качались под ветром буйные заросли верб и черемух, облитых зеленым лаком распускающейся листвы. Вились над рекою чайки, кружили в поднебесье коршуны, звенели серебряными колокольчиками жаворонки. Тоскующими глазами следили за ними сидевшие и лежавшие в телегах раненые, обмотанные запыленными и рыжими от засохшей крови бинтами.

Часто дорога пересекала глубокие заболоченные распадки с текущими в них студеными ручьями. Водой из ручьев Ганька поил сгоравших от жажды раненых. На этих людей было больно смотреть. Еще недавно полные сил и здоровья, были они теперь совершенно беспомощны. У самых тяжелых запали глаза, обострились заросшие жесткой щетиной лица. Всем им требовался полный покой, а их без конца трясло и мотало по камням и ухабам. Несколько человек находились в безнадежном состоянии. Они доживали последние минуты на залитой вешним светом земле, расставаться с которой так трудно и горько.

На одной из коротких остановок к Ганьке подъехал пожилой, не деревенского вида человек на соловом черногривом коне с высоко подрезанным хвостом. Был он маленький, словно весь ссохшийся. Морщинистых, глубоко запавших щек его совсем не коснулся весенний загар. Жесткие седые усы воинственно торчали в стороны, а небольшая красивая бородка была заботливо подстрижена совсем недавно. Из-под припухших красноватых век бодро и доверчиво глядели на все окружающее ясные доброжелательные глаза. Был он в белой фуражке с темным бархатным околышем, в поношенной форменной тужурке с серебряными пуговицами, со следами споротых петлиц на воротнике. Под распахнутой тужуркой виднелась серая косоворотка с вышивкой на груди.

«Какой-то учитель, — решил про него Ганька. — И зачем только понесло такого на войну? Шибко уж он худой и на коне сидит, как огородное пугало. Того и гляди, что свалится».

— Здравствуйте, товарищ! — любезно поклонился мужчина, поднеся руку к козырьку фуражки. — Разрешите воспользоваться вашей флягой? Один раненый товарищ сильно хочет пить, а у меня как на грех ни фляги с собой, ни кружки.

— Берите! — протянул ему Ганька только что наполненную флягу.

— О, да она с водой! Значит, не придется мне слезать с коня. Наездник из меня, как видите, никудышный. Свалиться

с моего Россинанта я способен в любую минуту, а взгромоздиться на него могу лишь с помощью пенька или забора.

— Вам бы лучше в телеге устроиться, — посочувствовал ему Ганька. — Этак с непривычки все потроха растрясете.

— К счастью, потрохов у меня нет, молодой человек. Давно остались одни жилы да кости... А относительно телеги вы правы, конечно. Но об этом мне некогда было думать. Карательный отряд уже вступал в деревню. Для меня это означало верную смерть. Но тут неожиданно ко мне пожаловал с оседланным запасным конем один мой бывший ученик, командир партизанской сотни. Усадил меня на него и заставил скакать сломя голову. Пока уходили от погони, он успевал отстреливаться и оберегать меня от падения на землю-матушку. Вспоминаю сейчас эту сумасшедшую скачку — и в жар бросает.

Напоив раненого, человек вернул Ганьке флягу и сказал:

— Будем держаться рядом, раз свела нас судьба. Вы как, не против? Нет? Тогда все в порядке. Давайте познакомимся. Георгий Алексеевич Окунцов, учитель из Шаманки. А вы?

— А я Улыбин из Мунгаловского.

— Чересчур коротко отрекомендовались, — рассмеялся Окунцов. — Меня интересует ваше имя, молодой человек.

— Ганька.

— Значит, Гавриил Улыбин? Кем же вы доводитесь Василию Андреевичу Улыбину?

— Племянником.

— Вот как! Тогда понятно, почему оказались у красных. Правильно поступили. Иначе могли бы поплатиться головой за свое родство с таким выдающимся большевиком. На все Забайкалье гремит его имя.

— А вы почему партизанить пошли? — осмелился спросить Ганька.

— К этому решительному шагу я был подготовлен всей моей жизнью. За мои политические убеждения при царе я дважды подвергался административной ссылке в Сибирь. В Россию потом так и не выбрался отсюда. Долгое время перебивался случайными заработками. А когда наконец решили мне учительствовать, на одном месте засиживаться

не давали. Зимой учительствую в какой-нибудь глухой деревушке, а летом перебираюсь в другую по предписанию полицейского исправника. Делалось это для того, чтобы не успел я сдружиться с мужиками, внушить им разные бунтарские мысли. Гоняли меня из деревни в деревню целых двенадцать лет. Только в семнадцатом году обосновался я в Шаманке среди приискателей. А через год стал членом приискового ревкома, выступал на митингах и собраниях, за что и был записан разными старорежимцами в самые отпетые большевики. Отрицать этого я не стал, а взял да махнул в партизаны.

Окунцов озабоченно вздохнул, потом продолжал:

— Знаю, житье впереди предстоит нелегкое. Но это меня не тревожит и не печалит. Я рад, что оказался на старости лет среди восставшего за свою свободу народа. Было время, когда я и мечтать не смел, что доживу до такого дня. Но, как видите, дожил. Жалею же лишь об одном: боюсь, что не смогу быть полезным в полной мере всем этим замечательным людям, поднявшимся на борьбу с проклятым старым миром.

— Ничего! — сказал Ганька. — Будете живой-здоровый — дело вам найдется. На войне учителя тоже нужны.

Окунцов с ласково-хитрой усмешкой в глазах поглядел на вздумавшего утешать его подростка и весело согласился с ним:

— Да, на этой войне учителя нужны. Все эти люди, — обвел он рукой вокруг себя, — должны знать, за что они воюют и что с ними будет, если они не сумеют победить. Значит, надо скрипеть и держаться...

Назавтра к вечеру преградили партизанам дорогу величавые горы, закутанные в облака. На горах синела вековая, богатая зверем и птицей тайга. Над гневно кипящей в теснинах Аргунью вилась там по отвесным скалам тропа, недоступная для обозов. Телеги с военным имуществом, с беженцами и ранеными сгрудились в пади Убиенной, под обрывами Винтовальной горы, розовой от буйно цветущего багульника. На всю жизнь запомнились Ганьке эти названия. Там кончилось его отрочество и началась полная невзгод и лишений молодость.

Конно-азиатская дивизия барона Унгерна настигла красных. Завязался ожесточенный двухдневный бой. Бились ночью и днем. А в это время в тылу вязали и сколачивали плоты. Топорами и шашками рубили в лесу деревья, скатывали бревна с обрывов в реку. Работали все, кто стоял на ногах. По огромному плотбищу пылали незатухающие костры. В котлах и ведрах варили конину и ели без хлеба и соли.

Вместе со взрослыми скатывал Ганька с горы тяжелые листовенные бревна. Ломая усыпанный цветами багульник, увлекаемая с собой лавину камней и щебня, летели и падали в воду бревна со сбитой, измочаленной в клочья корой. Покрытые синяками и ссадинами руки подростка потемнели от клейкой смолы; разодранная в локтях рубаха намочла от пота. А на юге, подстегивая его и всех, кто работал в тайге и на плотбище, с каждым часом все ближе и ближе бухали пушки, вспыхивала и замирала ружейная трескотня. Там сражались насмерть отборные партизанские заслоны. Все чаще приносили оттуда убитых и раненых бородатые пожилые санитары.

Окунцов, с которым Ганька ночевал под одной телегой, деятельно помогал поварам, варившим конину. Сняв с себя тужурку, таскал он охапки хвороста, ходил на ключ за водой. Ганька легко узнавал его по белому верху фуражки, по ковыляющей стариковской походке и с радостью думал: «Скрипит, как старая листовенница, а не рассыпается. С самого утра на ногах. Живущий, ничего не скажешь».

В полдень Окунцов с ведром холодной воды поднялся к работающим в полугоре партизанам. Когда он поставил ведро на землю и остановился, то долго не мог отдышаться. С лица его градом струился пот. Руки тряслись и дрожали, на груди от сильного сердцебиения ходуном ходила косоворотка.

«Ну, кажется, испек себя наш учитель», — с горечью решил про него Ганька. Но Окунцов отдышался и бодро закричал:

— Товарищи! Кто хочет пить, милости прошу.

Люди в мокрых исподних рубашах бросились к нему со всех сторон, и он стал раздавать им воду по кружке на брата.

Выпив свою порцию, каждый считал своим долгом поблагодарить учителя. Ганька с удовольствием слушал, как люди говорили ему:

— Ну спасибо, старик! Это ты здорово придумал. Вон какую крутизну одолел с ведром в руках. Пойдешь назад — гони сюда с водой тех, кто помоложе.

Последнюю кружку воды Окунцов приберег для Ганьки. Когда Ганька напился и поблагодарил его, он довольным голосом сказал:

— Вот, Улыбин, и я пригодился. Порадовал людей чем мог. Правда, с непривычки мне тяжело пришлось. До сих пор сердце мечется, как соболев в ловушке. Но это не беда. Посижу вот в тени и отдохну. А ты тем временем беги вниз и скажи какому-нибудь командиру, чтобы прислал сюда несколько человек с водой. Я ведь у людей только жажду растравил.

Ганька взял ведро и побежал под гору.

Там он нашел командира обозной охраны, знакомого партизана Кушаверова. Кушаверов тут же отрядил с ним четверых молодых обозников с ведрами. Они набрали воды и с частыми остановками зашагали по выючной тропке в гору.

Когда Ганька роздал принесенную воду изнывавшим от жары и жажды людям, Окунцов подошел к нему веселый и отдохнувший. Показывая на работающих в лесу и на плотбище людей, он взволнованно заговорил:

— Чувствуешь, какую силу подняли большевики? С этой силой ни семеновцам, ни колчакам не справиться. Одно слово — народ. Дай ему время, он горы сдвинет, сделает свою жизнь вольной, разумной и красивой. Верю я в это. Жить, бороться и умереть за будущее этого народа — самый высокий удел для каждого честного человека...

На второй день снаряды унгерновских батарей стали рваться на плотбище, убивая и калеча людей, разбивая плоты и телеги. Всякий раз, когда падали рядом убитые, Ганька плакал, не стыдясь своих слез и даже не замечая, что плачет. За

себя он не боялся. С безрассудством подростка он был твердо уверен, что ничего плохого с ним не может случиться, но все время с тревогой следил сперва за Окунцовым, потом за дядей Василием, недавно появившимся на берегу среди ожесточенно работающих людей.

Василий Андреевич сейчас один командовал всеми отошедшими на Аргунь отрядами и полками. Начальник штаба Бородищев был ранен и лежал без сознания в одной из палаток на берегу. Узнав о его ранении, Василий Андреевич прискакал с передовых позиций, чтобы предотвратить готовую вспыхнуть в обозах панику. Судя по забинтованной голове, он был тоже ранен. Медленно прохаживаясь по плотбищу, он распоряжался спокойно и властно. После каждого близкого разрыва Ганька боялся, что дяди Василия уже нет в живых, а тот все расхаживал среди телег и бревен, похлестывая себя нагайкой по голенищу. Дважды проходил он совсем близко от Ганьки и не заметил его. Подойти же и показаться ему Ганька не решился. Знал, что дяде сейчас не до него.

Еще утром послал Василий Андреевич партизан-китайцев на Маньчжурскую сторону за ботами и лодками. Посланные побывали в бакалейках, расположенных ниже Винтовальной, и вернулись оттуда с двумя десятками лодок, с продуктами и разрешением китайских властей переправить к ним всех, кого успеют. Фельдшеры отобрали тяжелораненых и стали перевозить их за реку.

Артиллерийские наблюдатели белых заметили это и открыли яростный огонь по реке, по устью Убиенной. Четыре лодки с ранеными были потоплены. Остальные вынуждены были уплыть вниз по течению, прижимаясь к своему берегу. Сильно пострадали от обстрела и обозы. Люди успели скрыться под нависшими над распадом скалами, но десятки лошадей были побиты и покалечены, многие телеги разнесены вдребезги.

К вечеру разыгралась большая гроза. Медленно надвигалась с востока, из-за зеленых предгорий Большого Хингана,

темно-синяя туча с ослепительно-белой верхушкой, с пышно взбитыми клубящимися краями. То и дело пробегали по ней, ветвясь и извиваясь, гремучие молнии. Скоро голубые вспышки заблестели над плотбищем, где неистово трудились тысячи людей. Как муравьи, облепили они плоты, копошились на берегу, стуча топорами, свивая из распаренных прутьев толстые кольца. Когда из тучи скользнула слепящая белым огнем исполинская молния и вонзилась в верхушку Винтовальной, оглушенные громом люди задвигались быстрее, пуще загорланили и застучали. Только смерть могла их сделать неподвижными и немymi.

С чувством внезапной восторженной гордости Ганька глядел на них со склона горы, пока не обрушился на землю ядерный шумный ливень. Надолго скрыл реку и горы, людей и телеги низвергнувшийся с вышины водопад. Сразу стало темно, как ночью. По рвам и расщелинам хлынули с Винтовальной бешеные потоки. Скоро ручеек в Убиенной сделался неукротимой, все смывающей на своем пути рекой. По ней вперегонки поплыли деревья, колеса, ящики, хомуты и дуги.

Пользуясь наступившим затишьем, на плотбище продолжали работать.

2

Ночью нагруженные беженцами и ранеными плоты стали отваливать один за другим от берега. К рассвету там остались лишь брошенные телеги и убитые лошади.

Затем начался отход боевых частей. Сотня за сотней вытянулась гуськом и стала подниматься на утопающую в сизом тумане гору. Бойцы вели коней в поводу, прижимаясь на скользкой и узкой тропе к замшелым скалам, у подножья которых шумела и клекотала река. В самых опасных местах, где нельзя было ни разойтись, ни разъехаться, непривычные к тяжкому пути кони испуганно фыркали, садились на задние ноги, рвались, обезумев, из рук. Чтобы не задерживать движение, таких убивали выстрелом в ухо и сбрасыва-

ли в полную мглы и сырости пропасть. Так был пристрелен и Ганькин конь, смиренный и выносливый Гнедко. Когда он зартачился и остановился на коварной тропе, из мрака вынырнул коренастый суровый партизан в солдатской папахе. Он схватил коня за повод и мрачно скомандовал Ганьке:

— Слазь!

И только Ганька спрыгнул с седла, как раздался выстрел. Гнедко судорожно дернулся и упал сперва на колени, потом перевернулся на бок, суча ногами. Тотчас же темные молчаливые фигуры людей обступили его и сбросили в бездну.

— А как же теперь я? — растерянно спросил Ганька коренастого фронтовика.

— Пешком пойдешь!.. Давай проходи, не задерживайся.

Потрясенный расправой над бедным Гнедком, Ганька с ненавистью поглядел на фронтовика, обозвал его мысленно собакой и зашагал по тропе, как пьяный.

До ближайшей станицы было четырнадцать верст. Голодный и мокрый с головы до ног, шел Ганька сначала по обрыву над рекой, затем по черному, горелому лесу. Берданка за плечами вдруг сделалась страшно тяжелой и неудобной. Она натирала ремнем плечо, больно колотила по спине затвором. Он шел и чувствовал, что силы на исходе.

В пути все время обгоняли его незнакомые угрюмые партизаны. Никто из них не пожалел его, не посадил к себе. А один парень в серой войлочной шляпе, с глазами навывахте, обгоняя его, прокричал:

— Торопись, сосунок! Теперь ты самый последний! Попадешь к баргутам — кишки на пикку смотают...

И Ганьке стало страшно. Он знал, что такие унгерновские баргуты и чахары. Они служили у Семенова по найму и были самыми отпетыми карателями. Они арестовали и изрубили шашками Ганькиного отца Северьяна и казаков-фронтовиков, не успевших уйти к партизанам. Вообразив, что каратели вот-вот настигнут его, он сбросил с себя ватную куртку, разулся и побежал. Остановился, только заведя вниз, среди курчавой зелени сопки, Аргунь и широкую станичную улицу, до отказа запруженную народом.

В станице, сморенный усталостью, он свалился у первой же избы в тень от бревенчатого тына и крепко заснул. Уже вечером на него случайно наткнулся мунгаловец Федот Муратов, вернувшийся с германской войны с четырьмя георгиевскими крестами. Он доставил Ганьку к Василию Андреевичу, в просторный купеческий дом, где разместился штаб.

Василий Андреевич только что вернулся с китайской стороны, куда ездил договариваться об устройстве там партизанского госпиталя. Госпиталь ему разрешили устроить в тридцати верстах от границы, в глухой тайге, чтобы можно было в случае необходимости заявить, что создан он красными на собственный страх и риск.

Увидев Ганьку, оборванного, исхудалого и словно оглушенного всем пережитым, Василий Андреевич покачал забинтованной головой, невесело усмехнулся:

— Значит, тоже с нами махнул? Это ты, пожалуй, правильно сообразил. Если уж семеновцы наш дом сожгли, то и тебя бы не пожалели. Мы с Романом им поперек горла стоим. Теперь они всей нашей родне будут мстить.

— Разве наш дом сожгли?! — испугался Ганька. — Где же теперь мама жить будет?

— Сожгли, племяш, сожгли. Горелого пенька не оставили. Видели наши разведчики с сопки за кладбищем, как запылали во всех концах Мунгаловского партизанские дома. А твоя мать... Боюсь, Ганька, что и с ней могли расправиться.

— Ну, мама их дожидаться не стала. Проводила меня, повесила на двери замок и ушла к бабушке Шулятьихе. Та ее не выдаст. Спрячет за печку или в подполье.

— Тогда другое дело! — обрадовался Василий Андреевич. — Будем считать, что с ней все обстоит благополучно. А о доме ты не тужи и Гнедка не жалеи. Дом мы новый построим. Почище старого сгροхает, как белопогонников разобьем. А насчет коня я что-нибудь сегодня соображу. Пешим тебя не оставляю.

Но ночью дядя разбудил Ганьку, приказал ему собираться и ехать за границу с людьми, назначенными для обслужи-

вания и охраны партизанского госпиталя. О коне он даже и не заикнулся.

Так Ганька неожиданно для себя оказался на чужой стороне. Маньчжурия давно влекла и манила его к себе. Его отец и дед часто посещали ее в прежние годы. Они привозили оттуда краснобокие яблоки, земляные орехи, сахар-леденец, кирпичный и байховый чай. У каждого состоятельного мунгаловца были рубашки из китайской чесучи и шелка, цветные кушаки и соломенные шляпы, одеяла с полосатыми тиграми и полотенца с чибисами. Не будь Ганька так потрясен войной и своими бедами, его обрадовала бы поездка за границу. Но теперь все это не тешило и не веселило.

Место для госпиталя было выбрано в безлюдной таежной глуши, на поляне, вблизи от шумной горной речки с русским названием — Быстрая. Сопки, тайга и даже надоедливые оводы были здесь такими же, как в Забайкалье. Поблизости не оказалось ни кабанов, ни тигров, о которых вдоволь слышался Ганька еще с детских лет. В лесу было много пестрых рябчиков, никем не пуганных и доверчивых, как домашние голуби. В речке целыми косяками разгуливали ленки и хариусы, а в горах, на недоступных утесах, жили орлы, грелись на каменных россыпях змеи.

На просторной и живописной поляне, окруженной гигантскими лиственницами и тополями, сплошь усеянной оранжевыми огоньками и голубым курослепом, с утра закипела работа. Сняв с себя винтовки и патронташи, партизаны раскидывали большие брезентовые палатки, окапывали их канавами для стока воды, обкладывали дерном. Поодаль от палаток появился крытый корьем навес. Под ним, весь в кирпичной пыли и глине, складывал плиту усатый печник Ефим Полуэктов. Он покрикивал на своих неумелых помощников — Ганьку и бурята Жолсарана Абидуева — и тут же шутя досадовал на свою участь:

— Мне еще холостому надоело с печами возиться. Думал, что хоть в партизанах буду воевать и жить в свое удовольствие. А тут опять в печники произвели, заставили в глине вымазаться.

К вечеру плита была готова. Повариха Ульяна затопила ее, и повеяло на поляне жилым духом, вкусно запахло варевом.

Первую ночь на новом месте Ганька провел в балагане, сделанном из бересты. У него не было ни потника, ни одеяла. Зато у Абидуева оказалась крытая засаленной далембой рваная шуба. Под ней и провели они, крепко прижимаясь друг к другу, теплую с вечера и холодную под утро ночь.

Назавтра справляли в палатках свое новоселье скрытно доставленные в госпиталь раненые, довольные тем, что кончились наконец мытарства и наступил долгожданный покой. Было их сто двадцать человек, молодых и старых, терпеливых и привередливых, веселых и безнадежно угрюмых. У одних дела шли на поправку, над другими печально качал своей белой головой доктор Карандаев. Слишком мало было в его распоряжении лекарств. Больше приходилось надеяться на собственные силы раненых. Не раз Ганька видел, как мутились от слез стекла докторского пенсне, когда кто-то тяжело расставался с жизнью на жестком топчане в палатке. А когда появился в тайге первый могильный холмик, Ганька не раз видел, как у него подолгу стоял погруженный в раздумье доктор.

К Карандаеву Ганька горячо привязался с первых же дней. Это был замечательный человек. С юношеских лет он вступил на путь борьбы с самодержавием. Восемь лет провел на Нерчинской каторге и на поселении в Баргузинском уезде. В восемнадцатом году, несмотря на преклонный возраст, пошел добровольцем в Красную гвардию. Был на Даурском фронте главным терапевтом, потом скрывался в одной из лесных коммун.

— Это человек идейный, — сказал о нем приискатель Семиколенко. — Он был еще студентом, когда впервые угодил в ссылку в нашу матушку Сибирь. Отсюда потом за границу махнул и там уже на доктора доучился. Я точно не знаю, но слышал от сведущих людей, что он будто самого Ленина встречал, работал с ним. А в пятому году вернулся в Россию,

снова попал к жандармам в лапы и угодил в Горный Зерентуй на каторгу. Такого старика беречь да беречь надо. Он еще много людям пользы принесет. Это вам не Бянкин.

— В большевистской партии-то он состоит? — спросил у Семиколенко кто-то из раненых.

— Состоит или не состоит — про это я тебе не скажу. А только дышит он большевистским духом. Да оно иначе и быть не может, если человек Ленина не понаслышке знает...

Начальник госпиталя фельдшер Бянкин, бритоголовый, с двойным подбородком толстяк, назначил Ганьку в помощники к двум пожилым партизанам. Они должны были снабжать госпиталь дровами и рыбой. От сытой и привольной жизни у Ганьки снова округлились щеки, пропало в глазах выражение настороженности и тревоги.

Все обитатели госпиталя оказались на редкость интересными людьми. Это были казаки и крестьяне со всех концов Забайкалья, рабочие с приисков, бывшие политические каторжане и ссыльные. Много нужного и полезного в жизни узнал от них до всего любопытный подросток во время вечерних бесед у костра, куда собирались все, кто мог передвигаться. Он слушал там нескончаемые разговоры, скромно посиживая в сторонке, не привлекая к себе ничьего внимания.

Казаки-фронтовики, воевавшие с немцами и турками, любили рассказывать про Кавказ и Карпаты, про штурм Перемышля и Эрзерума, вспоминая добрым словом самых храбрых своих товарищей и хорошо относившихся к ним офицеров. Тут же заодно жалели, что не раскусили вовремя и не отправили на тот свет есаула Семенова, теперь белогвардейского атамана, а также его ближайших сподвижников баронов Унгерна и Тирбаха.

Приискатели чаще всего разговаривали о золоте. Скоро Ганька знал наперечет названия всех приисков на Унде и Газимуре, на Каре и Урюмкане. Он мог назвать все места, где были найдены за последние сорок лет самые богатые месторождения, перечислить деревни, жители которых мыли золото у себя во дворах и на огородах.

От батраков, работавших у караульских богачей-скотоводов, Ганька узнал, что Южное Забайкалье представляет собой сплошные степи с невысокими голыми сопками и песчаными увалами. Зимой в степях почти не бывает снега. Круглый год скот пасется на подножном корму. А бывалые охотники из казаков-степняков хвастались, что совсем еще недавно заходили в Забайкалье из беспредельных монгольских пустынь голубые антилопы и дикие ослы-куланы, пробегающие без отдыха десятки верст. Это так поразило Ганьку, что он долго потом мечтал раздобыть себе маленького кулана и летать на нем, как на сказочном коньке-горбунке.

Надолго запомнились ему необычайные похождения приискателя Семиколенко и Жолсарана Абидуева. Семиколенко, прежде чем попасть в Забайкалье, прожил шесть лет в Австралии, куда забрался в поисках лучшей доли с родной Украины. Собственными глазами видел он знаменитые бумеранги австралийских туземцев, охотился на кенгуру, рубил эвкалипты, мыл золото и пас овец. А Жолсаран был в молодости послушником в бурятском монастыре-дацане. Позже совершил паломничество в Лхасу, отрезанную от мира со всех сторон самыми высокими на земле горами. Многого, о чем он рассказывал, не знал даже доктор Карандаев, наиболее образованный в госпитале человек. Оказалось, в Тибете продавали за большие деньги как лекарство от многих болезней все, что извергал из себя организм святейшего далай-ламы. Долго потом дивились и судачили об этом раненые.

Однажды Ганька не вытерпел и вмешался в разговор взрослых. В тот вечер казак Андрей Чубатов рассказал, что во время войны побывал он в Турции и повидал Арарат. Ганька верил, что был когда-то на свете Всемирный потоп, от которого спасся один лишь Ной в своем ковчеге. Тогда он не выдержал соблазна и спросил, стоит ли еще на вершине святой горы Ноев ковчег.

— Ноев ковчег? — переспросил Чубатов и вдруг разразился безудержным смехом: — Эх ты, зеленая ягодка! Веришь, чудак, в поповскую брехню, а еще красный партизан. Пороть тебя некому...

Ганька с обидой и недоумением уставился на Чубатова. Но тут за него неожиданно вступился госпитальный печник и столяр Ефим Полуэктов. Он прикрикнул на Чубатова:

— Зря, казак, зубы над парнем скалишь! Ты и сам недалеко от него ушел. Тоже медный крест на воротах носишь.

— Это ты меня здорово поддел, товарищ Полуэктов, — согласился, краснея, Чубатов. — Верно, ношу я крестик. Только не медный, а серебряный. Мне его покойная мать на шею надела, когда на ту войну провожала. Не шибко я и верю в него, а ношу. Вреда от него не будет, а насчет пользы не нам судить.

— Вот то-то и оно! — усмехнулся в усы Полуэктов. — Над парнем смеешься, а сам тоже с Богом хитришь и двурушничает. Я тебя не осуждаю. Да и с какой стати осуждать буду, если я тоже вроде тебя. Как случится туго, так и вспоминаю про Бога, слабость характера показываю. Под Убиенной вон все молитвы перечитал, какие только знаю.

На этом все бы и кончилось, если бы не Семиколенко, дюжий дядька в расстегнутой бязевой рубашке, с рукой на перевязи. Он презрительно бросил Полуэктову:

— Какой же ты после этого, Ефим, партизан? С оглядкой на Господа Бога свободу не завоюешь. Бог — он, как и попы, против свободы для бедных. Он за старые порядки стоит.

— Брось ты, Семиколенко, трепаться! — возмутился Полуэктов. — И как у тебя язык поворачивается такие слова говорить? Бог — он молчит, молчит, а потом возьмет да и все сразу припомнит.

На это Семиколенко с дерзким смешком ответил:

— Ничего не припомнит. Наказать ему меня никак невозможно.

— Это почему же?

— Потому, что его нет и сроду не было. Его на нашу беду попы да буржуи выдумали. Тысячи лет пугали Богом нас, грешных, чтобы на нашей шее ездить.

— Ну, пошел молоть! — огорченно махнул рукой, раздувая усы, Полуэктов. — Слушать тебя тошно, безбожник ты этакый.

— Не любо, так не слушай. Никто тебя силком не принуждает. А только я голову наотрез дам, что Бога нет. И никто мне не докажет, что я ошибаюсь.

Впервые в жизни Ганька видел человека, который не признавал Бога и во всеуслышание заявлял об этом. От такого кощунства у него мороз пробежал по коже. С испугом и удивлением глядя на рыжего самоуверенного приискателя, он жалел его, как заведомо обрекающего себя на вечные муки в аду. Зажмурясь и содрогаясь, ждал он, что грянет гром и карающая молния испепелит несчастного безбожника. Но Семиколенко стоял как ни в чем не бывало и посмеивался, не испытывая ни страха, ни угрызения совести.

С тех пор Ганька с острым и жгучим любопытством приглядывался к Семиколенко, прислушивался к его словам. Непонятным и недобрый человеком казался ему добродушный и доброжелательный к людям здоровяк-приискатель.

И когда Семиколенко поправился и уезжал в свой полк, Ганька даже не захотел к нему подойти и проститься.

3

Наступил август с обильными росами, с вечерними и утренними туманами. В тайге созревали ягоды, под каждым деревом вылезали из прошлогодней листвы грибы.

Ганьку и Гошку Пляскина, парня семнадцати лет, стали каждый день посылать за ягодами на кисели и морсы. Ребята не прочь были лазать по горам и бродить в тайге, но предпочитали разгуливать с ружьями, а не с берестяными лукошками в руках. Они спали и видели подстрелить дикую свинью или красавца-изюбра, чей рев не раз слышали по ночам недалеко от палаток. Сбор же ягод оба считали не мужским, а бабьим делом. От этого собирались при первом же удобном случае сбежать в боевые партизанские части, оставив допекающему их приказам и поручениям завхозу язвительную записку. Но случая все не было, и им поневоле приходилось подчиняться строгому и требовательному завхозу, бывшему когда-то казачьим вахмистром.

КОНСТАНТИН ФЕДОРОВИЧ СЕДЫХ

ОТЧИЙ КРАЙ

Ответственный редактор Валерия Андоскина
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Алиса Павлова, Ольга Попова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 23.01.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-48839-01-R